

УДК 433

EDN: IERSOY

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42023113121>

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО И «ПОЛИТИКА ВИНЫ» В ГЕРМАНИИ

Павел Андреевич Доценко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
e-mail: paveldotsenko1998@mail.ru, ORCID: 0009-0000-0028-0848

Ссылка для цитирования: Доценко П.А. Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №4. С. 113-121. DOI: 10.15211/vestnikieran42023113121

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты трансформации культурной памяти в Германии. Приход Г. Шрёдера на пост федерального канцлера после правления Г. Коля ознаменовал серьёзные изменения в политической и культурной жизни страны. Общественный дискурс по вопросам исторической памяти, выйдя за рамки политической сцены, приобрёл всеобщий характер, аккумулируясь также в публицистической и научной сферах. Объединение Германии и возникший впоследствии «спор историков» дали толчок новому этапу в осмыслении культуры памяти, смысл которого заключался не только в работе над ошибками времён национал-социализма, но и режима ГДР. Делается вывод о формировании новой немецкой исторической политики и исторического нарратива, ориентированного не только на память о холокосте, но и придающего большее значение «немецким страданиям».

Ключевые слова: Культурная память, историческая память, историческая политика, Германия, «политика вины», память, холокост.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2023.

OVERCOMING THE PAST AND THE «POLITICS OF GUILT» IN GERMANY

Pavel A. Dotsenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e-mail: paveldotsenko1998@mail.ru, ORCID: 0009-0000-0028-0848

For citation: Dotsenko, P.A. (2023). Overcoming the past and «the politics of guilt» in Germany. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 34(4): 113-121. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran42023113121

Abstract. The article considers key aspects of the transformation of cultural memory in Germany. The arrival of G. Schroeder to the post of Federal Chancellor after the reign of G. Kohl marked serious changes in the political and cultural life of Germany. The public discourse on the issues of

historical memory has gone beyond the political stage and has acquired a universal character, accumulating also in the publicistic and scientific spheres. The unification of Germany and the subsequent «historians' dispute» triggered a new stage in the understanding of the culture of memory, the meaning of which was not only to work on the mistakes of National Socialism, but also of the GDR regime. It is concluded that a new German historical politics and historical narrative is emerging that is not only focused on the memory of the Holocaust, but also on German suffering.

Key words: *Cultural memory, historical memory, historical politics, Germany, «politics of guilt», memory, Holocaust.*

Article received: 19.07.2023.

Вторая половина 1990-х гг. ознаменовалась постепенным ослаблением позиций христианско-либерального федерального правительства под руководством Гельмута Коля и формированием коалиции социал-демократов и «зелёных» во главе с избранным в 1998 г. федеральным канцлером Герхардом Шрёдером. Он значительно отличался от своих предшественников в вопросе политики памяти: выступал за открытое и честное обсуждение нацистского прошлого Германии и отказывался от жёстких мер для усиления национальной идентичности. Избирательная кампания в бундестаг в 1998 г. проводилась на фоне серьёзных споров о мемориале жертвам холокоста. Несколько стратегий в отношении политики памяти столкнулись в полемике вокруг мемориала и выбора места для него. Монумент должен стоять в самом центре бывшего рейха и чтить память еврейских жертв нацизма, так как «истребление евреев нацистами беспрецедентно» (Новикова 2020: 129-130). Идея получила поддержку таких видных общественных деятелей, как бывший канцлер Вилли Брандт и писатель Гюнтер Грасс, депутаты бундестага поддержали законопроект, однако бывший федеральный канцлер Г. Коль высказывался против, проигнорировав и церемонию закладки мемориала при участии нового канцлера Шрёдера 27 января 2000 г. Ряд политиков изначально были против этой идеи, предостерегая от превращения Берлина в «город несчастья». Шрёдер же не возражал против того, чтобы памятник напоминал о мрачных страницах немецкой истории. Он считал, что все вехи исторического пути должны быть сохранены как в памяти, так и в городских постройках, включая памятники жертвам холокоста. В его понимании это важно не только для того, чтобы сохранить историческую память, но и не допустить повторения ошибок прошлого (Шрёдер 2007: 71).

В ноябре 2005 г. канцлером ФРГ стала Ангела Меркель, пробывшая на этом посту 16 лет. Всё ещё остро стоял вопрос об окончательной траектории в выборе политики памяти. Кроме того, отношения с Польшей осложнялись работой «Союза изгнанных» (немецкая общественная организация), а также одобрением со стороны Меркель создания так называемого «Центра изгнанных» в память о депортированных после Второй мировой войны немецких меньшинств. Хотя канцлер и отклонила претензии «изгнанных» на возмещение материального ущерба, она заявила, что увековечение их памяти не означает для Германии попытку пересмотра результатов войны (Погорельская 2008: 75). Вопрос создания центра долгое время вызывал в немецком обществе серьёзные дискуссии и поляризацию мнений. Часть интеллигенции резко выступала против его сооружения. Уже бывший канцлер Г. Шрёдер также был противником этой идеи, считая, что Берлин – не место для её реализации, полагая, что памятный знак будет слишком односторонним свидетельством явления, вырванного из контекста мировой катастрофы (Скандал вокруг немецкого... 2008).

Национальное покаяние немцев находит различные способы выражения. Во-первых, это жесты глав правительства. Одним из наиболее выразительных актов публичного признания вины стало покаяние бывшего федерального канцлера Германии В. Брандта, который в 1970 г. встал на колени у памятника героям варшавского восстания. Ведутся активные дебаты о важности памяти для немецкого общества (Tobias... 2003).

Во-вторых, в ФРГ в день памяти жертвам холокоста объявляется минута молчания в бундестаге. Общество Германии относится к этому крайне серьезно. Действует запрет на использование номерных знаков на автомобилях, в которых есть буквы SA или SS. Использование же какой-либо нацистской символики, выкрикивание лозунгов или, например, исполнение песни нацистской партии, преследуется на законодательном уровне. В то же время существует определённый запрос на выработку согласованной версии исторических событий и преступлений времён Второй мировой войны.

Хотя сама тематика нацистского прошлого Германии имеет несколько табуированный характер, политические оппоненты государства зачастую прибегают к сравнению ФРГ с режимом нацистов. Например, на обложках многих европейских изданий присутствовал карикатурный образ канцлера Меркель в нацистской форме и с усами Гитлера. Представляется, что некорректное сравнение было реакцией на антикризисную политику ФРГ (Греки одели А. Меркель... 2011).

Общественный дискурс о прошлом и «преодоление прошлого»

Летом 1997 г. в Цюрихе читал лекции писатель В. Г. Зебальд, он указывал на свои поиски «болевых следов» в немецкой памяти. Автор заключает, что трагический опыт, связанный со Второй мировой войной и её последствиями, включая утрату жизней тысяч людей, не был достаточно освещён в литературе ФРГ. Это явление печально, поскольку литература может помочь людям понять прошлое, осознать его значимость и научиться извлекать уроки для будущего. Перечитывая авторов, которые писали уже после окончания войны (Белль Г., Андерш А.), Зебальд склоняется к мнению, что никто из них не смог отразить тот травматический опыт и переживания (Ассман 2018: 116-117).

Созвучные идеи мы находим у публициста М. Вальзера. 11 октября 1998 г. во Франкфурте-на-Майне он выступил с речью по случаю присуждения Премии мира немецких книжоторговцев, в которой осудил «инструментализацию холокоста». Вальзер считает, что память о преступлениях адептов национал-социализма не должна становиться клеймом на Германии, её народе, не должна использоваться как инструмент политических или территориальных претензий к ФРГ (Ассман 2018: 175-176). Кроме того, вечное муссирование данной темы, ощущение её постоянного присутствия в культурно-политическом ландшафте столицы давно демократической страны довольно нелепо. Так, Берлинский мемориал памяти жертв холокоста Вальзер метафорично охарактеризовал как «превращение центра столицы в кошмар размером с футбольное поле» (Tobias ... 2003).

Высказывания Вальзера вызвали широкий общественный резонанс, в частности, негативно отреагировали евреи: президент Центрального совета евреев Германии назвал его «духовным поджигателем». Тем не менее у него нашлись сторонники. Речь Вальзера – один из тех культурных маркеров, которые сообщают нам о смене поколений и их памяти о событиях холокоста. Дискуссия об исторической памяти начинала выходить на новый уровень: нарастала потребность в обращении к будущему, и в результате нацистское прошлое как бы уходило в тень.

Таким образом, речь Вальзера в октябре 1998 г. можно считать «рубежом» на пути к но-

вому отношению к памяти о событиях Второй мировой войны. Нельзя не согласиться с мнением отечественного исследователя Е.Л. Кауганова, который отмечает, что разгоревшиеся после речи дебаты стали главной темой СМИ в Германии в течение года. В дискуссию включились в том числе и крупные политики, такие как президент ФРГ Роман Херцог и его предшественник Рихард фон Вайцзеккер. Выступление Вальзера спровоцировало последующие дебаты, обозначившие необходимость в развитии официальной культуры памяти. Кроме того, они показали не только высокую значимость темы ответственности за нацистские преступления, но и стали «проверкой немецкого консенсуса, сформированного в отношении нацистского прошлого до 1990 г.» (Кауганов 2015: 69-71). В то же время акцентирование внимания исключительно на холокосте как главной трагедии и центральном аспекте деятельности нацистов обусловило вытеснение из коллективной памяти страдания широких масс населения, в том числе и этнических немцев. После признания преступлений Третьего рейха акцент также остался смещён на холокост, незаслуженно оставив в тени другие проблемы и аспекты народной памяти.

Политика Третьего рейха, Вторая мировая война и холокост, безусловно, остаются чёрным пятном на репутации Германии. Однако современное политическое развитие страны, её членство в Евросоюзе и приверженность общеевропейским ценностям указывают на извлечение уроков из событий прошлого. Вразрез с этими ценностями идёт исторический опыт немецкого народа времён Третьего рейха. Характерной особенностью гитлеровского тоталитаризма была расовая ненависть, следствием которой стало массовое уничтожение евреев. По оценке немецкого специалиста по «устной истории» Лутца Нитхаммера, их численность составляет от 5 до 6 млн человек (Нитхаммер 2013: 483).

Современный исследователь Оливер Шпатц отмечает, что и сегодня страх перед возможностью повторения прошлого сочетается со стремлением от него избавиться (Spatz 2008: 17). Не стоит предавать забвению даже такие аспекты исторического прошлого, как Третий рейх. Необходимо трансформировать эти воспоминания, используя опыт для осмысления настоящего и предотвращения подобных событий в будущем, «поскольку историко-политические противоречия не что иное, как историко-культурный аспект процесса возрождения или переформатирования нации» (Wolfrum 2006: 499).

Одним из способов политической реабилитации является и политика «преодоления прошлого» – сложный процесс основывающийся, с одной стороны, на извлечении германской нацией уроков из истории Третьего рейха, с другой стороны, на стремлении осмыслить правду о нацизме, выработать иммунитет по отношению к тоталитарным идеям, расизму и милитаризму (Ермаков 2009: 229, 232). Объединение Германии и возникший «спор историков» дали толчок новому этапу в становлении культуры памяти, именуемому «двойным преодолением прошлого», смысл которого заключался не только в работе над ошибками времён национал-социализма, но и режима ГДР (Рулинский 2013: 55).

Обращение к прошлому в контексте «немецкой травмы»

Параллельно памяти о жертвах нацистов в общественных дискуссиях присутствовала тема «страданий немецкого народа». Серьёзный сдвиг в этом направлении произошёл после выхода книги Г. Грасса «Траектория краба». Алейда Ассман, немецкий историк и культуролог, отметила в книге Грасса изменение эмоциональной и мемориальной культуры общества ФРГ. Она утверждает, что книга символизировала перелом в восприятии прошлого. Память о трагедиях, пережитых немцами, возродилась с необычной и ранее неизвестной силой (Ассман 2018: 205). В «жертвенном дискурсе» присутствовали три сюжета: насильственные дей-

ствия в отношении мирных жителей Германии со стороны войск стран-победителей; «бомбовая война» союзников и страдания гражданского населения; изгнание немцев с бывших территорий Германии, отошедших к СССР, Чехословакии и Польше.

Масштаб «жертвенного дискурса» в Германии со временем начал оказывать заметное влияние и на внешнеполитические ориентиры. Линия Шрёдера, направленная на нормализацию отношений с восточными соседями, осложнялась непониманием со стороны Чехии и Польши, где дискурс о немецкой травме расценили как попытку преуменьшить преступления нацистов и поставить их в один ряд с другими жертвами. Польскую сторону беспокоило, что это может перерасти в конфликт и попытку пересмотра послевоенного порядка. При этом официальные польские лица неоднократно выражали недовольство в отношении политики памяти, проводимой в ФРГ (Jaspervon... 2006). В самой же Германии некоторые крайне правые круги поднимали тему изгнания немцев в политических целях, используя «Союз изгнанных».

Если говорить об исторических реалиях, то немецкий народ смог побывать по «обе стороны памяти» в отношении своего прошлого. По словам немецкого специалиста по «устной истории» Л. Нитхаммера, существовала кардинальная разница между положением евреев в ГДР и ФРГ. В первой они не представляли никакой серьёзной социальной величины, а после антисемитской кампании, развернувшейся в Восточной Европе в последние годы жизни Сталина, туда практически не возвращались еврейские эмигранты (Нитхаммер 2013: 483). Фашизм объяснялся с позиции классового подхода, а значит, и уничтожение еврейского населения было в интересах капиталистов. Такая позиция позволила жителям ГДР в некоторой степени освободиться от вопроса о личной вине.

В ФРГ же, по выражению Нитхаммера, этот процесс крайне замедлился, но приобрёл глубокие черты. В первые послевоенные годы немецкое население всё ещё проявляло крайний антисемитизм, а когда власти ФРГ обязались выплачивать жертвам холокоста денежную компенсацию, то столкнулись с жёстким сопротивлением не только со стороны политических элит, но и широких слоёв населения. И только к 1960-м гг., когда начались большие судебные процессы и обозначилась смена поколений, происходит «мемориальный бум».

Тенденция к переосмыслению исторической памяти

Международное сообщество всё чаще признаёт, что Германия больше не чувствует вины за преступления, совершённые в период Третьего рейха. Некоторые правые политики, в том числе представители партии «Альтернатива для Германии», высказывались о том, что концепция вины ограничивает возможности страны в продвижении своих интересов (Karlsson 2010: 38-41). Они утверждают, что вина Германии за прошлые события уже искуплена. Тем не менее вопрос о том, можно ли гордиться тем, что ты родился немцем, до сих пор является предметом дебатов. Так, исследователь О. Шпатц отмечает, что сняты табу с таких терминов, как «нация», «национализм», «патриотизм», «национальная гордость» (Spatz 2008: 44-45). Учёный считает преодоление прошлого заслугой эпохи Шрёдера, совершившей огромный прорыв в «политике вины» (Spatz 2008: 46). Идея о важности памяти простых немцев, ставших жертвами войны, сначала казалась неуместной, несмотря на всю её логичность, как подчёркивает немецкий историк Р. Козеллек: «Как будто память об убийстве евреев заставляет нас забыть о своих собственных погибших...» (Koselleck: 28). Если в 1990-е гг. тема памяти немецких жертв нацизма была табуированной, то сегодня она не кажется чем-то из ряда вон выходящим. И это, несомненно, позитивная тенденция. Хотя тему жертв среди этнических немцев на самом деле вряд ли можно назвать полностью табуированной, о ней часто думали осторожно или вообще не думали, стараясь её публично обойти.

Тем не менее кажутся закономерными ожидания, что гегемония памяти, ориентированной на холокост, может сохраняться с той же степенью вовлечённости и интенсивности во всё более мультикультурной, европеизированной и глобализированной стране. Ещё в 1990-х гг. в «холокост-образовании» видели противовес идеям крайнего национализма, проявившегося после объединения Германии. Ключевые направления в преподавании темы холокоста и национал-социалистического периода истории были сформулированы в 1992 г. в Саарбрюккенской декларации Конференции министров образования и культуры о толерантности и солидарности, где чётко обозначены задачи по сохранению мира, предупреждению насилия и укреплению терпимости (Колесов, Шиманская 2019: 165-166). В дополнение к этому уже в 2014 г. был принят документ под названием «Воспоминания для будущего. Рекомендации по культуре памяти как объекту историко-политического образования в школе», в котором положения декларации расширились. Были разработаны общешкольные внеучебные мероприятия: программы обмена, праздники культур. По мнению отечественных исследователей Д.И. Колесова и О.К. Шиманской, тема холокоста занимает одно из главных мест в системе исторического образования в ФРГ, затрагивая все социальные группы и институты. Происходящая в Германии смена поколений изменяет и «наполнение» исторической памяти, артикулируя права человека и толерантность (Колесов, Шиманская 2019: 167). «Новая» Германия, социально-структурно отличающаяся от той, которая развязала мировую войну и геноцид, может испытывать всё большие трудности с идентификацией со «старой» Германией. Был закончен ряд незавершённых дел, оставшихся после нацистских и в некоторых случаях первых послевоенных лет. В объединённой Германии появляются различные музеи и мемориалы жертвам нацистского режима, проведена реституция и компенсация имущества на территории бывшей ГДР, открыт архив Международной службы розыска в Бад-Арользене в 2006 г., идут дебаты о причастности к нацистским преступлениям не только вермахта, но и промышленных концернов, а также рядовых немцев, о соответствующей эстетике памяти и формах её выражения (Wischermann 2009: 15-16).

Объединение Германии, роль холокоста в немецкой памяти и её институционализация

3 октября 2020 г. исполнилось 30 лет с момента объединения страны. Это важная дата и для восприятия немцами собственной истории. Воссоединение сделало ФРГ более похожей на своих соседей и, следовательно, более «нормальной». Многие граждане, несмотря на некоторое разочарование, психологически позитивно встретили его, поскольку разделение воспринималось, по крайней мере некоторыми слоями населения, особенно левыми интеллектуалами, как наказание за военные преступления и в особенности холокост (Brunssen 2005: 146).

Одним из непредвиденных последствий памяти, всецело ориентированной на холокост, в Германии, на Западе и за его пределами является то, что и он сам, и нацистский режим всё более отделяются от своего конкретного исторического и культурного контекста. В исследовательском поле появился подход, склонный рассматривать холокост и нацизм не как порождение расистского немецкого гиперационализма и глубоко укоренившегося антисемитизма, а как продукт более общего кризиса западной современности. Европейский союз в середине 2010-х гг. юридически закрепил основные меры по борьбе с расизмом и антисемитизмом (European Parliament resolution ... 2005). Более подробно эту точку зрения рассматривали американские исследователи Даниэль Леви и Натан Шнайдер. Они полагают, что: «...воспоминания о холокосте и нацистских преступлениях стали мерилем гуманистических и универсальных идентификаций. Следовательно, именно абстрактная природа “добра и зла”, которую символизирует Холокост, способствует экстерриториальному качеству космополитической

памяти» (Levy, Sznajder 2006: 17-21). В таком ключе всё, что связано с холокостом и нацизмом (Освенцим, Гитлер, СС), приобрело почти мифические размеры, став проблематичными «плавающими знаками», прикрепленными к совершенно несвязанным с ними явлениям. Хорошим примером может служить ситуация лета 2009 г., когда по всей территории США можно было видеть плакаты президента Барака Обамы с усами Гитлера в руках протестовавших против инициативы демократов по реформе здравоохранения (Levy, Sznajder 2006: 24-25). Очевидно, что подобные события упрощают реальные исторические явления и уменьшают отличительность и «немецкость» нацистов и холокоста в принципе.

Германия, похоже, выходит за пределы часто наблюдаемой переходной фазы или «плавающего разрыва» (категория, введённая Нитхаммером в конце прошлого столетия) (Niethammer 1995: 34-35) между коммуникативной и институционализированной культурной памятью, по терминологии Ассман (Assman 1999: 45-46), и теперь твёрдо находится в сфере последней. Она по определению абстрагирована от жизненного опыта участников истории – жертв, преступников, очевидцев и свидетелей нацистского режима – и должна бороться за сохранение эмоционального резонанса, свойственного коммуникативной памяти. Поскольку поколения, которые планировали, совершали или были свидетелями нацистских преступлений, уходят из жизни, а третье и даже четвёртое поколения достигают зрелого возраста, воспоминания об эпохе нацизма трансформируются в культурную память. В любом случае заботы о настоящем и тревоги о будущем подрывают доминирование прошлого (Assman 2013: 112-114). Это стало особенно очевидно в контексте глобального экономического спада после 2008 г. Кроме того, в европейской политике становится всё более очевидным откровенное следование собственным интересам. В сентябре 2009 г. федеральное правительство даже установило мемориал солдатам бундесвера, погибшим после 1955 г. – жест, который был бы немыслим ранее.

Возможно, нацистский период истории Германии будет переосмыслен, как подразумевается в широко обсуждаемой концепции «преодоления прошлого», не конструируемого и управляемого элитой в манипулятивной манере неоконсерваторов, как это было в начале правления Коля. Ведь именно благодаря широте и глубине воспоминаний, ориентированных на холокост, немцы успешно прошли через трансформацию ценностей и социальных структур.

* * *

Состояние коллективной памяти в Германии представляется более изменчивым и неоднородным. Существует не только множество коллективных воспоминаний (основанных на памяти о холокосте и ГДР), циркулирующих в обществе и борющихся за влияние на него, но есть и признаки возрастания интереса к «немецким страданиям». Эта ситуация беспокоит многих, кто верит в память, ориентированную на холокост, и поддерживает её дальнейшую гегемонию как моральную необходимость для страны. Вероятно, в ближайшее время можно будет говорить о формирующемся консенсусе в отношении исторической памяти в Германии, поскольку предпочтения элит и масс в значительной степени совпадают. Возможно, тогда и закончатся дебаты (идушие с начала 1980-х гг.) о её содержании и месте. Такой уровень консенсуса означает установление хорошо институционализированной культурной памяти. Новый «этап» памяти и его историческая политика более плюралистичны и ёмки, чем прежде. Доминирование темы холокоста в ранние периоды может и было морально необходимо, но это произошло за счёт других воспоминаний, в частности, о страданиях немцев. Этот сюжет долгое время был недостаточно представлен. Новая перспектива и формат памяти, соответ-

ствующий запросам широких кругов общества, должны обеспечить сохранение положительного влияния сложившейся культуры памяти на политические ценности немцев.

Список литературы / References

Assman, A. (1999). *Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt DVA.

Assman, A. (2013). *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention*. München: Beck.

Brunssen, F. (2005). *Das neue Selbstverständnis der Berliner Republik*. Würzburg: Königshausen und Neumann.

European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-Semitism and racism. EUR-Lex. 13.10.2005. Available at: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/european-parliament-resolution-remembrance-holocaust-anti-semitism-and-racism_en (accessed 18.07.2023).

Jaspervon, A. (2006). *Kaczynski Hysterische Außerungen*. Frankfurter Allgemeinezeitung. 13.09.2006. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/kommentar-kaczynskis-hysterische-aeusserungen-1355829.html> (accessed 18.07.2023).

Karlsson, K. (2010). The uses of history and the third wave of Europeanisation. In: Pakier, M., Strath, B. (ed.) (2010). *A European memory: Contested histories and politics of remembrance*. NY: Berghahn books: 38-55.

Koselleck, R. (2002). *Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses*. In: Knigge, V., Frei, V. (ed.) (2002). *Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord*. München: C.H. Beck Verlag: 21-32.

Levy, D. Sznajder, N. (2001). *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press.

Niethammer, L. (1995). *Diesseits des Floating Gap. Gedächtnis und die Konstruktion im wissenschaftlichen Diskurs*. In: Platt, K. (ed.) (1995). *Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten*. Opladen: Budrich Verlag: 22-50. DOI: 10.1007/978-3-322-95972-0_2

Spatz, O. (2008). *Patriotismus und Geschichtsbewusstsein im Spiegel des Generationswandels – eine analytische Rückschau auf die Ära Schröder/Fischer*. *Historisch-Politische Mitteilungen* (15): 17-47.

Tobias, J. (2003). *Die Walser-Bubis-Debatte: Erinnern oder Vergessen?* haGalil. 24.10.2003. Available at: <https://www.hagalil.com/antisemitismus/deutschland/walser-1.htm> (accessed 18.07.2023).

Wischermann, C. (2001). *Wettstreit um Gedächtnis und Erinnerung. Westfälische Forschungen* (51). München: 1-18.

Wolfrum, E. (2006). *Die geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Ассман, А. (2018). *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение. [Assman, A. (2018). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: New Literary Review. (in Russian)].

Греки одели А. Меркель в нацистскую форму. PUBLIKA. 28.10.2011. [The Greeks dressed A. Merkel in a Nazi uniform. PUBLIKA. 28.10.2011. (in Russian)]. Available at: https://ru.publika.md/greki-odeli-angelu-merkel-v-nacistiskuuyu-formu-foto_319241.html (accessed 18.07.2023).

Ермаков, А. (2009). «Уроки Освенцима»: история Холокоста в современных школьных

учебниках ФРГ // Ярославский педагогический вестник 3(60): 229-235. [Ermakov, A. (2009). «Lessons of Auschwitz»: the history of the Holocaust in modern school textbooks of Germany. Yaroslavl'skiy pedagogicheskiy vestnik 3(60): 229-235. (in Russian)].

Кауганов, Е.Л. (2015). Дебаты Вальзера-Бубиса о значении Холокоста для национальной идентичности Германии // Вестник антропологии 2(30): 66-72. [Kauganov, E.L. (2015). The Walser-Bubis Debate on the Meaning of the Holocaust for German National Identity. Vestnik antropologii 2(30): 66-72. (in Russian)].

Колесов, Д.И., Шиманская О.К. (2019). Культура памяти Холокоста в политике денацификации Германии // Современная Европа 4(90): 164-174. [Kolesov, D. I., Shimanskaya, O.K. (2019). The culture of Holocaust remembrance in the policy of denazification of Germany. Sovremennaya Evropa 4(90): 164-174. (in Russian)]. DOI: 10.15211/soveurope42019164173

Мясникова, К. (2022). Феномен «Erinnerungskultur» в Германии: становление, история развития, актуальное состояние // Культура и цивилизация 12(1A): 82-92. [Myasnikova, K. (2022). The phenomenon of «Erinnerungskultur» in Germany: formation, history of development, current state. Kul'tura i civilizaciya 12(1A): 82-92. (in Russian)]. DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009

Нитхаммер, Л. (2013). Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М.: Новое издательство. [Nithammer, L. (2013). Questions to German memory: Articles on oral history. Moscow: New Publishing House. (in Russian)].

Новикова, М. (2020). Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история (4): 127-137. [Novikova, M. (2020). The Problem of Historical Memory in Germany During the Chancellorship of Gerhard Schröder. Novaia i noveishaia istoriia (4): 127-137. (in Russian)]. DOI: 10.31857/S013038640010329-9

Погорельская, С. (2008). Ангела Меркель: Политический портрет. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН. [Pogorelskaya, S. (2008). Angela Merkel: A Political portrait: An Analytical review. Moscow: INION RAS. (in Russian)].

Репина, Л.П. (2014). Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти» // Диалог со временем (49): 28-43. [Repina, L.P. (2014). Temporal characteristics of historical consciousness (on the dynamic component of the «history of memory». Dialog so vremenem (49): 28-43. (in Russian)].

Рулинский, В.В. (2013). «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур 1(27): 46-56. [Rulinsky, V.V. (2013). «The Historians' Dispute» in Germany: The Problem of Responsibility for Nazi Crimes. Vestnik slavyanskih kul'tur 1(27): 46-56. (in Russian)].

Скандал вокруг немецкого «Центра памяти изгнанных». Российская газета. 21.03.2008. [Scandal around the German «Center for the memory of the expelled». Russian newspaper. 21.03.2008. (in Russian)]. Available at: <https://rg.ru/2008/03/21/germaniya.html> (accessed 18.07.2023).

Шеррер, Ю. (2009). Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra (46): 89-109. [Scherrer, Y. (2009). The attitude to history in Germany and France: the study of the past, historical politics, the politics of memory. Pro et Contra (46): 89-109. (in Russian)].

Шрёдер, Г. (2007). Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа. [Schroeder, G. (2007). Decisions. My Life in Politics. Moscow: Europe. (in Russian)].